в. в. кучма

«ВИЗАНТИЙСКИЙ АНОНИМ VI в.»: основные проблемы источников и содержания

VI век в истории византийской литературы представлен значительным количеством памятников военной науки: по подсчетам А. Дэна 1, их одиннадцать. Одним из них является сочинение, автор которого, оставшийся неизвестным, попытался создать руководство, охватывающее основные сферы военной науки. Единственное издание трактата (с переводом на неменкий язык) было осуществлено Г. Кэхли и В. Рюстовом 2; ими же предложено закрепившееся в литературе наименование сочинения³.

«Византийский Аноним VI в.» не привлекал пристального внимания исследователей, и литература о нем весьма небогата. Сохраняют свою ценность «Erklärende Anmerkungen» первых издателей трактата 4. Представляет интерес (хотя и не свободен от ошибочных положений) соответствующий обзор в обобщающем сочинении М. Иенса ⁵. Первая (и в целом плодотворная) попытка использовать сведения Анонима для характеристики социально-экономической действительности VI в. была принята Н. В. Пигулевской 6. Наряду с материалами других трактатов военно-исторические реалии Анонима анализировались и нами 7.

Задачей настоящей статьи является комплексная характеристика анонимного трактата VI в. как составного звена в серии памятников греко-римско-византийской военной науки, вызванного к жизни особыми обстоятельствами эпохи и отразившего в себе эту эпоху через призму военной традиции предшествующего времени. Как и всякий другой военный писатель, Аноним VI в. стоял перед необходимостью творческого переосмысления достижений военно-теоретической мысли предшествующих эпох — без этого его практические рекомендации не имели права на существование, на внимание к себе как со стороны современников, так и потомков.

Прежде чем приступить к конкретному анализу названного сочинения, представляется уместным сделать одно предварительное общее замечание.

К большому числу критериев оценки военных трактатов, уже существующих в историографии, следует, по нашему мнению, добавить еще

Dain A. Les Stratégistes byzantins. — ТМ, 1967, 2, p. 340—347.
 Des Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft. — In: Köchly H., Rüstow W. Griechische Kriegsschriftsteller, 2. Theil: Die Tactiker, 2. Abteilung. Leipzig, 1855 (далее — Anonymus).

³ А. Дэн предпочитал более обобщающее «De re strategica»; см.: Dain A. Op. cit., p. 343.

Anonymus, S. 311-335.
 Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaft, 1. Abt. München und Leipzig, 1889, S. 146-151.

⁶ Пигулевския Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.; Л., 1946, с. 58-69,

[?] См., например, последнюю работу: Кучма В. В. Византийские военные трактаты как исторические источники. — ВВ, 1979, 40, с. 49—50.

один, который можно условно назвать критерием трансформативности. Суть дела заключается в следующем. Поскольку система военно-научных знаний периода античности и средневековья базировалась на принципах преемственности и континуитета, проявляющихся гораздо более непосредственно, чем во многих других отраслях науки, все памятники грекоримско-византийской военной науки без единого исключения оказываются взаимосвязанными и взаимообусловленными. Олнако связь может иметь различные степени и формы проявления. Можно выделить такие трактаты, степень зависимости которых от предшествующей литературы горазло меньше, чем их влияние на последующую военнотеоретическую традицию. Такое сочинение передает в будущее больше, чем получает из прошлого. Наиболее показательной в этом плане является судьба трактата Онасандра (середина Ів. н. э.): его зависимость от предшествующей литературы практически ничтожна, тогда как воздействие на последующую традицию оказалось очень существенным. Причина этого — специфика самого предмета научных интересов Онасандра. В центре его внимания — этические, морально-риторические проблемы военной теории; именно эти, новые для данной отрасли науки идеи наиболее активно воспринимались позднейшими адептами. Сформулированные Онасандром критерии нравственного облика военачальника лежали в сфере абстрактных, общечеловеческих принципов — построенные на основах благоразумия и здравого смысла, они фактически совсем не были связаны с особенностями эпохи и весьма слабо — со спецификой должности, к которой они прилагались. Именно в силу своей универсальности и безотносительности максимы Онасандра оказались столь живучими в последующей литературе, вплоть до самых последних звеньев военной традиции. Так, морально-риторические сентенции Онасандра оказались включенными практически в первозданном виде в «Тактику Льва», созданную почти тысячелетие спустя.

Ко второй группе трактатов можно отнести такие, которые являются в той же степени итоговыми, в какой и программными. Это самые типичные звенья военной традиции, обеспечивавшие нормальную эволюцию античной и средневековой военно-теоретической мысли, ее поступательное развитие в условиях, когда отсутствовали «перерывы постепенности».

К третьей группе относятся такие военные сочинения, которые как бы олицетворяют собой принцип работы понижающего трансформатора: они воспринимают и перерабатывают в себе гораздо больший объем научнотеоретической и практической информации по сравнению с той отдачей, которая сопровождает их в последующей традиции. К указанному разряду военных сочинений принадлежит и анонимный трактат, который является предметом настоящего анализа. Несмотря на то, что достаточно свободное владение своим предметом позволило Анониму профессионально раскрыть важнейшие проблемы военной науки, соблюсти правильную пропорцию между общетеоретическими положениями и рекомендациями сугубо практического характера и в результате создать произведение, отражающее современное ему состояние военной организации, трактат не стал эпохой в военной науке, не оказал сильного влияния на последующую традицию. И причиной тому, как ни парадоксально это звучит, именно современность содержащейся в трактате информации.

Дело в том, что современная Анониму военная организация базировалась на устаревших, отживших свое время материально-технических и организационных основах. Известно, что залог успеха реставрационной политики юстиниановское правительство усматривало в возрождении военного могущества империи. В соответствии с господствовавшей тогда идеологией это возрождение могло быть обеспечено единственно путем изучения и использования военного опыта «древних». В этом плане сочинение Анонима является типичным продуктом своей эпохи: вся система его методологических принципов, теоретических построений,

доктринальных воззрений целиком базируется на концепциях военной науки античности.

Последствием колоссального перенапряжения сил, пережитого империей при Юстиниане, явился глубокий кризис, охвативший в последней трети VI в. практически все области экономики, сопиальных отношений. политики, идеологии. Потерпела крах и старая военная организация, основанная на принципах наемничества. В соответствии с этим оказались устаревшими и те основополагающие идеи, которые определяли существо военно-научных взглядов Анонима.

Начиная с VII в. военная организация империи стада базироваться на принципах фемного строя: отныне ее квалифицирующим признаком стал принцип народного ополчения. Военно-теоретическая мысль византийцев приступила к осмыслению и обобщению объективно складывающегося порядка вещей. Начало было положено «Стратегиконом Маврикия».

Между сочинениями Анонима и Маврикия имеется сравнительно небольшой хронологический перерыв — в пределах одного полустолетия. Но эти авторы — представители различных эпох в истории военной организации Византии. Поэтому в традиции военно-научной литературы между сочинениями Анонима и Маврикия отмечен заметный «перерыв постепенности». Р. Вари был излишне категоричен, когда отридал существование между ними каких-либо точек соприкосновения ⁸, — такие точки все же есть, и мы обратим далее на них внимание. Но это именно точки, и все они — из сферы чистой технологии; различия же между трактатами принципиально существеннее. Взгляд Анонима объективно обращен в прошлое; «Стратегикон» всем своим содержанием устремлен в будущее: пока сохранялись в силе основы фемной военной организации, принципы, заложенные «Стратегиконом», сохраняли жизнеспособность. Практически вся последующая литература, вплоть до самых последних ее памятников, испытывала заметное влияние «Стратегикона». Информапия же Анонима подверглась быстрой инфляции: опоздав (в силу объективных причин) стать памятником военной теории, это сочинение очень быстро превратилось в памятник ее истории.

Все сказанное вовсе не означает, что мы связываем критерий трансформативности с определением ценности того или иного трактата как исторического источника: трактат, в котором преобладает итоговый аспект, может не уступить по ценности информации сочинению программного характера. Но мы считаем нужным подчеркнуть, что сам подход к изучению таких различных произведений тоже должен быть неодинаковым. Здесь важно соблюсти правильную пропорцию между перспективой и ретроспекцией. «Трактат-итог» предстанет перед исследователем в более ярком свете, если подойти к его анализу преимущественно с позиций предшествующей письменной традиции, так сказать, «с фронта»; наоборот, все детали, подробности и нюансы «трактата-программы» высветятся более ярко при анализе следующих за ним памятников военной науки (подход «с тыла»). Разумеется, в обоих случаях эти подходы — лишь дополнение (хотя и очень существенное) к анализу трактата «изнутри».

С учетом высказанных соображений мы и перейдем к характеристике «Византийского Анонима VI в.».

Текст трактата был издан впервые Г. Кэхли и В. Рюстовом по рукописи, не являющейся архетипом 9. Впрочем, и в лучшей рукописи середины X в., знаменитой Laurentianus LV-4 10, составление которой, по мнению А. Дэна, «являлось предприятием официального характера» 11, отсутствует одна первая страница с указанием названия произведения и имени

⁸ Vari R. Zur Überlieferung mittelgriechischer Taktiker. — BZ, 1906, 15, S. 70.
9 См.: Jähns M. Op. cit., S. 146, Anm. 1.
10 О ней подробно см.: Dain A. Les stratégistes. . ., p. 382—385.

¹¹ Dain A. Histoire du texte d'Elien le Tacticien. Paris, 1946, p. 185.

его автора. Сохранившийся материал, занимающий 27 листов рукописи (размер листа 325×260), распределен по 43 главам, которые можно сгруппировать в следующие разделы:

- Характеристика основных сословий городского населения в плане их отношения к военному делу. Качества военачальника и подчиненных. Общие взгляды на проблемы войны и мира. Определение стратегии (гл. I-V).
- II. Мероприятия по защите от вражеского нападения (гл. VI-XIII). III. Подготовка армии к войне (подразделения пехоты и кавалерии, их вооружение, тактика и взаимодействие) (гл. XIV—XXV).

IV. Лагерное устройство, караульная служба (гл. XXVI—XXIX). V. Способы передачи военных приказов и распоряжений (гл. XXX).

VI. Организация сражения и меры обеспечения его успеха (боевой порядок, ход сражения, ночные нападения, засады и другие военные хитрости, организация разведывательной службы) (гл. XXXI—XLIII).

Избранный автором план, отличающийся оригинальностью, позволил ему достаточно полно охватить основные разделы военной науки, дать комплексное изложение ее главных принципов. Вместе с тем произведение не свободно от ряда структурных недостатков. М. Иенс полагал, что главы о перебежчиках, шпионах и послах, заключающие трактат, стоят не на своем изначальном месте. Ему казался и слишком резким переход от характеристики военного оборудования укреплений к проблемам тактики, т. е. от главы XIII к главе XIV — следствие либо лакуны, либо неавторской перестановки ¹².

Трактату свойственны и существенные пробелы в содержании. Так, отсутствует материал об обучении воинов — сюжет, традиционный для большинства памятников военной литературы. Нет и сведений об организации войны на море, хотя одно место XIV главы можно понять так, что автор имел намерение осветить этот вопрос. Имеются два вида войны, указывает он, — морская и сухопутная; каждой из них следует посвятить особую часть тактики, поскольку характерные черты каждого из этих видов отличаются друг от друга. Для того чтобы их не спутать, продолжает Аноним, «мы хотим говорить особо о каждом виде, а именно сначала о войне на суше» 13. Но на протяжении последующего изложения материала автор пишет только о сухопутной армии.

В научной литературе XIX в. было высказано предположение, что анализируемый нами комплекс из 43 глав является лишь частью более крупного целого, оказавшегося в рукописях расчлененным на три отдельных фрагмента. Первый из них — текст, опубликованный Г. Кэхли и В. Рюстовом, второй — фрагмент анонимного трактата, известный в литературе под наименованием «О стрельбе из лука» (Περὶ τοξείας), третий — принадлежащий неизвестному автору фрагмент о морской войне, впервые введенный в научный оборот К.-К. Мюллером. Наиболее последовательного сторонника эта точка зрения нашла в лице М. Иенса 14. Приписывая все три сочинения одному и тому же автору, М. Иенс тем самым снимал выдвинутые против него обвинения: если рассматривать «Пері то ξ еiа ξ » как раздел, посвященный обучению воинов ^{15} , а фраг-К.-К. Мюллера — как реализацию обещания, содержащегося

¹² Jähns M. Op. cit., S. 147. С этим предположением можно согласиться. Обычно для Анонима характерны последовательные, зачастую мотивированные переходы от одного сюжета к другому; в наиболее показательных случаях заключительный параграф предыдущей главы формулирует содержание последующей (см., например, переходы от гл. XI к гл. XII, от XVI к XVII, от XVII к XVIII, от XVIII к XIX, от XX к XXI). Встречаем и случай, когда последний параграф главы XXI определяет содержание сразу трех глав — XXII, XXIII и XXIV.

13 Anonymus, XIV, 3—4, S. 88.

14 Jähns M. Op. cit., S. 150—151.

¹⁵ М. Иенс предлагал помещать его после XVI главы Анонима, содержащей описание вооружения (ibid., S. 151).

в XIV главе, тогда охват проблем военной науки Анонимом можно признать практически полным.

Следует несколько подробнее охарактеризовать военные сочинения, **упомянутые** выше.

Фрагмент «О стрельбе из лука» был впервые издан Г. Кэхли и В. Рюстовом непосредственно вслед за текстом Анонима 16. Как бы предвосхищая гипотезу М. Иенса, издатели подчеркнули связь этого фрагмента с Анонимом, отметив общность содержания, сходство в способах изложения материала 17. Фрагмент состоит из предисловия и трех коротких глав, соответствующих трем главным принципам: стрелять точно, сильно и быстро. Для выработки этих навыков рекомендуются специальные упражнения. Общие взгляды автора на способы и приемы подготовки лучников, на их роль в сражении вполне соотносятся с воззрениями писателей юстиниановской эпохи 18.

В современной историографии мнение М. Иенса не встречает поддержки. рассматривается как особое сочинение, не принадлежащее Анониму. А. Дэн считал его извлечением из неизвестного трактата, датируемого V в. 19 Истоки его можно отыскать в «Кестах» Секста Юлия Африкана; без значительных изменений текст «Περί τοξείας» вошел в состав 60—62-й глав корпуса, условно названного А. Дэном и Р. Вьейеbellicus» и датируемого временем Константина «Apparatus Багрянородного ²⁰.

Что касается фрагмента о морской войне, то он был впервые издан К.-К. Мюллером по миланской рукописи Ambrosianus 139, датируемой концом X в.²¹ В сохранившемся тексте, включающем IV—X главы неизвестного трактата, идет речь об обязанностях морского военачальника, об организации дозорной и сигнальной служб; далее содержатся рекомендации по подготовке к морскому сражению, его непосредственному проведению, использованию его последствий. К.-К. Мюллером было обосновано положение об огромной исторической ценности этого первого известного нам обобщающего специального сочинения о морской войне.

Установлением источников названного трактата занимался Ф. Ламмерт ²²: в качестве таковых он называл Энея, Вегеция, Анонима VI в. Как видим, он не разделял мнение М. Иенса и датировал мюллеровский фрагмент более поздним временем, чем сочинение Анонима. А. Дэн считал автором военно-морского сочинения некоего Сириана Магистра ²³. имя которого сохранилось в позднейшей «Тактике Никифора Урана» (конец X в.), а также трижды упомянуто в приложении к «Книге церемовий» Константина Багрянородного ²⁴. Глава V сочинения Сириана Магистра послужила исходным материалом для 119-й главы «Тактики Никифора Урана». Поскольку совпадение содержания этих глав является далеко не полным, А. Дэн предполагал существование либо двух версий текста Сириана, либо промежуточной компиляции между Сирианом и Никифором Ураном. Время создания анализируемого морского трактата А. Дэн определял как VI в.25; К.-К. Мюллер и Ф. Ламмерт считали эти границы более широкими — V—VI вв. Существенным пля датировки является факт незнакомства автора с греческим огнем.

¹⁶ Anonymus, S. 198-209.

¹⁷ Ibid., S. 37.

¹⁸ Например, Прокопия; см.: *Procop.*, ВР, I, 14, 18; ВС, I, 22.

Dain A. Les Stratégistes. . ., p. 338.

 ²⁰ Ibid., p. 359-361.
 21 Cm.: Müller K.-K. Eine griechische Schrift über Seekrieg. Würzburg, 1882.
 22 Lammert F. Die älteste erhaltene Schrift über Seetaktik und ihre Beziehungen zum Anonymus Byzantinus des 6. Jahrhunderts. - Klio, 1941, 33, S. 271-288.

²³ Dain A. Naumachica. Paris, 1943, p. 43-55. ²⁴ Cm.: Dain A. Les Stratégistes..., p. 342, 361.

²⁵ Ibid., p. 342.

Таким образом современная историография отвергла тезис М. Иенса об идентичности Анонима VI в. с авторами трактатов об обучении лучников и о морской войне. Опубликованный Г. Кэхли и В. Рюстовом комплекс из 43 глав следует рассматривать как отдельное, самостоятельное произведение: что же касается пробелов в его содержании, то они, очевидно, были присущи ему изначально.

Как уже отмечалось, рукописная традиция не сохранила имени автора сочинения. О его личности можно судить лишь по самому трактату. Г. Кэхли и В. Рюстовом было высказано ²⁶, М. Иенсом обосновано ²⁷, а Н. В. Пигулевской активно поддержано 28 предположение о принадлежности Анонима к сословию военных инженеров. С этим нельзя не согласиться. Военно-инженерный подход отчетливо проявляется в главах. посвященных сооружению крепостей 29, начиная от выбора места будущего строительства. Детально, со знанием дела повествуется о размерах и конфигурации крепостных стен, о мерах их дополнительной защиты (протейхизма, ров); высказываются рекомендации по военно-инженерному оборудованию местности (искусственное террасирование). Так же профессионально освещаются проблемы осады и обороны городов. И хотя здесь, как будет показано ниже, автор менее оригинален, чем в вопросах градостроительства, все же его предметное знакомство с проблемой не вызывает сомнений.

Глава XIX, посвященная переправам через реки, является наиболее самостоятельной в трактате и свидетельствует об особом знакомстве автора именно с данной областью военно-инженерного искусства. Он подробно описывает способ переправы, предложенный в свое время Аполлодором, знаменитым архитектором и инженером первой половины II в. н. э. К этому способу Аноним относится весьма критически 30, подробно рассматривая случаи, когда его использование становится совершенно нецелесообразным. Ссылаясь на собственный опыт 31, Аноним дает целый рял пругих рекомендаций, не оставляющих сомнения в его глубокой компетентности.

Что же касается утверждения М. Иенса и Н. В. Пигулевской об участии Анонима в одном или нескольких дунайских походах ³², то для такого вывода, по нашему мнению, нет достаточных оснований. Название Дуная ("Іотрос) действительно встречается в трактате 33, но всего лишь один раз, в нейтральном контексте и одновременно с названием другой реки — Евфрата. Все дальнейшее повествование не привязывается ни к какому конкретному географическому региону. Описываются переправы и через глубокие, спокойные реки, примером которых назван Дунай, и через мелкие, но быстрые и стремительные (примером их служит Евфрат). Рассуждения о преодолении топких берегов 34 могут относиться к Дунаю с такой же вероятностью, как и к любой другой реке.

Итак, автор анализируемого трактата принадлежал к сословию военных специалистов. Подобная социальная и профессиональная принадлежность наложила специфический отпечаток на его мировоззрение, на методологические принципы его подхода к проблемам военной науки.

Античное обществоведение считало военную деятельность важнейшим свидетельством нормального функционирования государственного организма. Отсюда понимание военного дела как части государственной поли-

²⁶ Anonymus, S. 38.

²⁷ Jähns M. Op. cit., S. 147.

²⁸ Пигулевская Н. В. Указ. соч., с. 20.
29 Anonymus, X—XII, р. 68—76.
30 Ibid., XIX, 7—14, р. 112—114.
31 Ibid., XIX, 23, р. 118.

³² Этот тезис утвердился в литературе с легкой руки первых издателей Апонима (см.: Anonymus, S. 38).

³³ Anonymus, XIX, 1, p. 110. ³⁴ Ibid., XIX, 22—24, p. 118.

тики, военного искусства — как части искусства государственного руковолства, военной науки — как части государствоведения. Такое понимание свойственно и Анониму. Госуларственная наука условно пелится им на теоретический и практический разделы (λογικόν μέρος και πρακτικόν μέρος): последний раздел в свою очередь — на πολιτική, занимающуюся проблемами социально-политической организации общества, и στρατηγική, т. е. собственно науку о военном руководстве.

В соответствии с указанным делением Аноним посвятил начальные главы своего трактата характеристике социального строя современного ему общества, стремясь определить место той или иной группировки в экономике империи, ее политике и, разумеется, военной организации.

Мы не будем воспроизводить здесь картину, рисуемую Анонимом, это уже было сделано до нас 35. Следует лишь отметить, что его картина, в целом достаточно яркая, далека от завершенности. Дело в том, что автор ограничился анализом сословий городского населения, тогда как жители сельской местности оставлены им без внимания. Отсутствует и суммарная характеристика военного сословия, к которому он сам принадлежал. Объяснять эти пробелы отсутствием у автора соответствующих сведений не представляется возможным; вероятнее всего, опущения сделаны автором сознательно и продиктованы какими-то соображениями композиционного порядка ³⁶.

Оригинальность авторского замысла, равно как и способ его реализации, должны быть оценены в полной мере — больше ни один из памятников греко-римско-византийской военной литературы не включает в себя подобных разделов. Разумеется, сведения о социальном устройстве общества в той или иной степени имеются практически во всех военных трактатах, но все они несравнимы с Анонимом по полноте и систематичности информации.

Современное Анониму общество — это общество, где господствуют позднерабовладельческие отношения. Еще нет и признаков того социального переворота, который произошел в VII в. вследствие перераспределения собственности, в первую очередь земельной ³⁷. Все это подтверждает мнение о принадлежности трактата эпохе царствования Юстиниана.

Уже первые издатели трактата привели в пользу такой датировки ряд доказательств 38. В отрывке II, 2 они усмотрели отзвук восстания Ника; отрывок III, 15, по их мнению, упоминает о триумфе Велизария, поскольку только этот торжественный акт имел такие неповторимые особенности (пленных обводили вокруг сцены театра). В дальнейшем изложении Аноним положительно расценил опыт Велизария по расчленению вражеского войска и разгрому его разрозненных частей 39; вероятно, здесь речь идет о войне с остготами. Наконец, похвалы, расточаемые в адрес «нашего императора» по поводу его мудрой внешней политики 40, могут относиться лишь к Юстиниану.

Известно, что перечень военных соперников империи, содержащийся в том или ином военном трактате, может пролить свет на характер современной ему внешнеполитической ситуации и, следовательно, дать дополнительный материал для его датировки. Вспомним, какая значительная по объему и ценная по содержанию информация содержится, например, в «Стратегиконе Маврикия» или «Тактике Льва». Сведения Анонима на этот счет несоизмеримо беднее. Военные соперники империи здесь практически не персонифицированы; описания военных обычаев других народов

³⁵ См.: Пигулевская Н. В. Указ. соч., с. 114—122, 132—133.

³⁶ Одно из допустимых объяснений приведено нами в статье, указанной в прим. 7. ³⁷ Об этом см.: Кучма В. В. К вопросу о социальной сущности «революции» Фоки. —

BO, 1977, c. 182—194.

38 Anonymus, S. 38.

39 Ibid., XXXIII, 8, p. 164.

40 Ibid., IV, 4, p. 56.

отсутствуют. Вообще этнографические обозначения чрезвычайно редки на страницах трактата. Одни из них идут в контексте исторических идлюстраций — таковы, например, македонцы ^{41} , карфагеняне ^{42} , египтяне ^{43} . По-иному выглядит свидетельство об арабах — единственное в трактате. Приступая к описанию засад, Аноним указывает, что их применяют «и нынешние римляне, и арабы, и многие другие народы» 44. Здесь речь идет о современных автору событиях, однако невозможно установить, причисляет Аноним арабов к врагам или к друзьям империи.

Два сообщения о персах более подробны, но еще менее определенны. В первом случае Аноним развивает мысль о той опасности, которая возникает для осажденных, если среди них окажутся соплеменники осаждающих, — их нужно заблаговременно выслать из города. «Следует иметь в виду не только их. — продолжает Аноним. — но также и рабов, которых нам враг посылает в подарок. Однажды персы послали 300 человек под видом рабов в качестве подарка и с их помощью овладели городом» 45, По смыслу данного пассажа персы определенно отнесены к разряду врагов: остается, однако, неясным, о каком времени здесь идет речь. Второе сообщение о персах не проясняет картину; можно лишь предполагать, что оно относится к очень отдаленным временам, поскольку упоминаются противоречия между Персией, Египтом и Карфагеном 46.

Итак, свидетельства Анонима об арабах и персах следует признать крайне неопределенными. Пассаж об арабах не содержит никакой информации о характере их отношений с империей. Из двух сообщений о персах одно фиксирует их враждебность империи, но его не представляется возможным датировать; второе относится к разряду исторических иллюстраций и с интересующей нас точки зрения абсолютно нейтрально. В св'язи с этим мы не считаем возможным, как это делали Г. Кэхли и В. Рюстов 47, а вслед за ними и Н. В. Пигулевская 48, видеть в упоминании арабов и персов дополнительные аргументы в пользу датировки трактата временем Юстиниана. На наш взгляд, для такой датировки вполне достаточно и прямых свидетельств, которые были приведены выше. Не случайно в ученой литературе практически нет расхождений по данному вопросу: исследователи относят сочинение к середине или второй половине VI в. Существенным является наблюдение А. Дэна: о Велизарии говорится то в настоящем, то в прошедшем времени (как известно, его смерть последовала за восемь месяцев до кончины Юстиниана) 49. Как будет показано ниже, на время Юстиниана (точнее — на заключительный период его царствования) указывает и уровень военной организации, отраженный в трактате, равно как и характер исповедуемой автором военной доктрины, его общий подход к проблемам войны и мира.

Будучи военным специалистом, Аноним построил свое сочинение на двух основаниях: с одной стороны, заметно влияние на трактат греческой и римской военной теории предшествующих эпох, с другой — в трактате обобщен современный автору боевой опыт, в том числе и его собственный. Элемент самостоятельности, самобытности обнаруживается в трактате достаточно четко, что особенно бросается в глаза на фоне последующей военно-научной литературы, где все более и более усиливаются черты

⁴¹ Anonymus, XVI, 7, p. 102. 42 Ibid., XLIII, 6, p. 194. 43 Ibid., XLIII, 7, p. 194. 44 Ibid., XL, 1, p. 182. 45 Ibid., XLII, 4, p. 188. 46 Ibid., XLIII, 6—7, p. 194. 47 Ibid., S. 38. 48 Ivanagarag H. R. Nyaz, co.

⁴⁸ Пигулевская Н. В. Указ. соч., с. 20.

⁴⁹ Кроме литературы, указанной ранее, см. также: Dain A. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos. Paris, 1937, p. 56; Idem. Les Stratégistes. . . , p. 343. Лишь Р. Вари сдвигал время создания трактата к периоду царствования Маврикия (Vari R. Op. cit., S. 70).

компилятивности и парафразы. Не случайно за трактатом закрепилась репутация сочинения современного, имеющего несомненную практическую ценность. К. Крумбахер, столь склонный к гиперкритицизму, оценивал его как «выдающееся по самостоятельности и самобытности сочинение» ⁵⁰. А. Дэн, который благодаря своей непревзойденной эрудиции и блестящему чутью филолога и палеографа умел обнаруживать компиляцию там, где другие исследователи о ней и не подозревали, характеризовал трактат как произведение, «вполне вероятно, дающее точные свидетельства и — факт исключительный! — имеющее современный характер» 51.

Анонима можно признать автором достаточно эрудированным; вместе с тем он не стремится эту эрудицию демонстрировать. События военной истории, по-видимому, знакомы ему по произведениям Геродота (у которого он мог взять сведения о соотношении сил греков и персов в сражении при Марафоне ⁵²) и особенно Ксенофонта, хотя их имена не встречаются на страницах трактата. Так, в XIX главе упоминается об эпизоде, имевшем место при форсировании реки Кентритес и описанном Ксенофонтом в «Анабасисе» (IV, 3): воины, переходившие реку вброд, были вынуждены вступить в сражение, находясь в воде 53. В этой же главе рассказывается о способе преодоления бурных и полноводных рек, который был применен Киром: вдоль реки прорывается канал, концы которого упираются в реку; вследствие этого водное полотно оказывается разделенным на два рукава, в которых напор воды будет гораздо слабее первоначального 54; описание этого приема впервые встречается в Ксенофонтовой «Киропедии» (VII, 5, 9 сл.).

Из полководцев древности Анониму известны Кир 55, Филипп Македонский ⁵⁶, его сын Александр ⁵⁷, Регул, римский полководец периода первой Пунической войны 58, Ганнибал 59; из современных военных деятелей, как отмечалось выше, Аноним называет лишь Велизария 60.

Что касается специальных военных сочинений, которые использовал Аноним, то идентификация их оказывается делом весьма затруднительным. Автор не называет своих предшественников по именам (единственным исключением является упоминание Аполлодора ⁶¹), используя обобщающее наименование «древние» 62. Кроме того, автор избегает текстуальных заимствований, так что единственным указанием на источник может служить лишь содержание соответствующего отрывка.

В большинстве случаев невозможно установить с достоверностью, использован ли Анонимом тот или иной источник, но в случае совпадения их информации по содержанию можно по крайней мере утверждать, что такое использование было возможно. Так, в трактате сказано, что иногда сражение завязывается в момент форсирования пехотой реки, прямо в воде; такие случаи, продолжает Аноним, имели место в период войн Александра Македонского с персами ⁶³. Данная информация могла быть заимствована из арриановского «Анабасиса Александра» (I, 13-16), где приводится эпизод из сражения на реке Граник (334 г. до н. э.). Уже упоминавшийся прием по разделению реки на два рукава с целью более лег-

⁵⁰ Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 635.

⁵⁰ Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 635.
51 Dain A. Les Stratégistes. . . , p. 343.
52 Anonymus, XXXIII, 4, p. 162.
53 Ibid., XIX, 19, p. 116.
54 Ibid., XIX, 20-21, p. 116-118.
55 Ibid., XIX, 21, p. 118.
56 Ibid., XXIV, 3, p. 130.
57 Ibid., XIX, 18, p. 116.
58 Ibid., XLIII, 5, p. 194.
59 Ibid., XVIII, 12, p. 110.
60 Ibid., XXXIII, 8, p. 164.
61 Ibid., XIX, 7-14, p. 112-114.
62 Ibid., VIII, 6, p. 64; XIII, 15-17, p. 82; XX, 1, p. 120; XXIII, 1, p. 126; XXIV, 4, p. 130; XXX, 4, p. 148; XXXV, 1, p. 166.
63 Ibid., XIX, 18, p. 116.

кого ее форсирования описывается и Юлием Цезарем под 49 г. (переход через р. Сегр) 64. В трактате Вегеция 65 рекомендуется разделять реку не на два, а на возможно большее количество рукавов. Поэтому данную информацию Аноним мог заимствовать и у Ксенофонта, и у Цезаря, и v Вегепия.

Любопытна сентенция в начале XX главы. Подчеркивая необходимость тщательных мер обеспечения от внезапного нападения врага, Аноним обязывает стратига держать эти вопросы постоянно в центре внимания. «Выражение "я не думал об этом", как указал один из древних, мало подходит для военного искусства», — заключает Аноним ⁶⁶. Выяснить прямой источник этой сентенции не представляется возможным: как отметили уже первые издатели трактата ⁶⁷, ссылка на незнание (non putaram, ούχ φμην), не могущее служить оправданием, встречается во многих произведениях античной литературы (Полиен, Валерий Максим, Сенека, Пиперон).

Можно предполагать влияние предшествующих военно-научных исследований не на отдельные сюжеты, а на целые разделы трактата. Так, главы V и VI, намечающие общий план мероприятий по обороне от вражеского нашествия, созвучны содержанию соответствующих глав трактата Онасандра, поскольку стратиг, если можно так выразиться, являлся одновременно и главнокомандующим, и военным министром: в его обязанности входила подготовка к войне не только армии, но и гражданского населения пограничных областей. Глава XVIII, посвященная порядку совершения маршей, имеет аналогии в трудах Асклепиодота и Элиана, но отличается от них несколько большей живостью изображения, хотя построена в сугубо теоретическом плане и не отмечена духом авторской самостоятельности; единственный исторический пример, приведенный в этой главе, относится к глубокой древности (ко временам Ганнибала ⁶⁸).

Сведения о лагерном устройстве (гл. XXVIII—XXIX) в общем соответствуют принципам Полибия и Гигина 69, хотя здесь встречаются некоторые практические указания, обобщающие современную Анониму боевую практику. Так, рекомендуется создавать дополнительную защиту из щитов, развешанных на копьях, которые воткнуты в землю снаружи лагерных палаток 70. Подступы к лагерю укрепляются посредством триболов (металлические шарики с острыми шипами, которые способны поранить ноги людей и лошадей). Отметим, кстати, что автор питает особое пристрастие к этим триболам, рекомендуя применять их в самых различличных условиях 71. В самом деле, они могли быть достаточно действенным оружием против конных подразделений, особенно если учесть, что в те времена лошади не имели подков. Кроме того, по всему периметру лагеря протягивались тонкие шнурки с колокольчиками — средство для обнаружения ночных нападений противника ⁷².

Заслуживают более подробного анализа свидетельства Анонима, касающиеся градостроительства, фортификации и полиоркетики. Этот материал еще не был объектом специального изучения; между тем именно здесь можно найти данные для решения таких вопросов, как степень зависимости трактата от предшествующей традиции, соотношение общетеоретического

⁶⁴ См.: Г. Юлий Цезарь. Гражданская война, І, 61.

⁶⁵ См.: Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела. — ВДИ, 1940, № 1 (далее — Вегеций), III, 7, с. 263. 66 Anonymus, XX, 1, р. 120. 67 Ibid., S. 319.

⁶⁸ Ibid., XVIII, 12, p. 110. 69 O6 STOM CM.: Grosse R. Das römisch-byzantinische Marschlager vom IV. — X. Jahrhundert. — BZ, 1913, 22, S. 98—102.
70 Anonymus, XXVIII, 5, p. 142.

²¹ В том числе и в условиях полевого сражения: ibid., XXXII, 14, р. 158; XXXVIII, 5, p. 178.

⁷⁸ Ibid., XXIX, 6, p. 144.

и практического аспектов в информации Анонима, старое и новое в трактате, ценность его как исторического источника и т. д.

Вопросы градостроительства, фортификации и полиоркетики решаются Анонимом в широком аспекте проблем стратегической обороны — они являются органической составной частью мероприятий по подготовке страны к отражению вражеского нашествия. Детально представлен материал о пограничных сторожевых постах, с которых должно вестись постоянное наблюдение за передвижениями неприятельских армий, даны подробные рекомендации по инженерному оборудованию постов, подбору лиц, несущих службу на этих постах, снабжению их продовольствием и фуражом 78. Собранные сведения о противнике должны передаваться с помощью сигнальных огней; при этом должен сообщаться не только самый факт вторжения на территорию империи, но и численность неприятельской армии ⁷⁴.

Известно, что система пограничных сторожевых постов была создана в древней Греции еще в эпоху греко-персидских войн; по некоторым предположениям, она связывала Аттику с побережьем Малой Азии. Тогда же стали разрабатываться и первые приемы передачи военной информации 75. Вполне вероятно возрождение аналогичной системы во времена Юстиниана: детальная разработка Анонимом указанного сюжета наталкивает на мысль о практическом характере его рекомендаций. По предположению М. Иенса, обобщенная Анонимом практика питалась идеями Ксенофонта, Энея, Аполлодора, Витрувия 76.

Значительное внимание уделено в трактате строительству новых городов — явное воздействие атмосферы грандиозного строительства юстиниановской эпохи. Однако автора интересует не весь этот вопрос в целом, а лишь его военно-утилитарный аспект. Не случайно поэтому указания как по выбору места будущего строительства, так и по защите города исходят из главных принципов — обеспечения безопасности города на случай войны, создания условий для затруднения его осады. Если город закладывается на берегу реки или моря, его стены должны возводиться не ближе 20 локтей от воды (чтобы неприятель не мог атаковать город непосредственно с кораблей) и не далее 100 локтей (чтобы все пространство до воды поражалось эффективной стрельбой со стен) 77. Минимальная толщина стен определяется в 5, а высота — в 20 локтей 78. Известна автору и идея фланкирования, определяющая конфигурацию крепостных стен, а также форму башен и их чередование с куртинами 79. Необходимый атрибут парапета крепостной ограды — прямоугольные зубцы, защищающие от обстрела, но не мешающие передвижениям по стене ⁸⁰. Автор энергично защищает идею протейхизмы. Необходимость ее сооружения мотивируется двумя целями: во-первых, она препятствует подведению к стенам осадных механизмов противника; во-вторых, образуемый между протейхизмой и крепостной оградой перибол должен служить местом сбора жителей сельской округи, искавших спасения от врагов в городе; их следует по возможности привлечь к защите, но вводить их в город Аноним считает нецелесообразным ⁸¹.

Передовую линию обороны должен составлять ров шириной не менее 40 локтей. Его глубина должна превосходить глубину фундаментов стен,

 ⁷³ Anonymus, VII, 1—4, р. 60—62; IX, 1—8, р. 66—68.
 74 Ibid., VIII, 1—8, р. 62—64.
 75 См. об этом: Эллинистическая техника/ Под ред. академика И. И. Толстого. М.; Л.,

^{1948,} c. 315—318.
76 Anonymus, S. 147.
77 Ibid., XI, 3, p. 70—72.
78 Ibid., XII, 1, p. 72.
79 Ibid., XII, 2, p. 74.
80 Ibid., XII, 3, p. 74.
81 Ibid. XIII, 5, p. 74.

⁸¹ Ibid., XIII, 5, p. 74; cp. VI, 2, p. 58.

чтобы препятствовать вражеским подкопам 82. Земляной вал при наличии протейхизмы Аноним считает излишним.

Специальная (XIII) глава трактата посвящена проблемам полиоркетики. Из всех более ранних трудов, в которых эти проблемы получили подробное освещение, наиболее близким ко времени Анонима является сочинение Вегеция. Однако сравнение этих двух трактатов приводит к выводу, что зависимость Анонима от Вегеция ничтожна. Пожалуй, только один сюжет описан обоими авторами в сходных выражениях: когда осаждающим удастся проделать пролом в крепостной стене, они сначала закладывают его вертикальными деревянными подпорками и на время задерживают обвал участка стены, а затем, используя хворост и другие легковоспламеняющиеся материалы, поджигают завал и добиваются того, что стена рушится в нужный момент, вызывая панику среди осажденных 83. Но даже и в этом случае говорить о прямом заимствовании из сочинения Вегеция не приходится. Во-первых, данный прием был известен с глубокой древности и сведения о нем Аноним мог получить из другого источника. Во-вторых, хотя результат мероприятия в обоих трактатах одинаков, исходная ситуация различна: в данном описании Вегеция пролом осуществляется только с помощью подкопа (следовательно, имеется в виду разрушение фундамента стены), тогда как Аноним говорит о проломе стены на любом уровне (достигаемом, например, с помощью тарана).

В целом заметна существенная разница в подходе Вегеция и Анонима к проблемам полиоркетики. У Вегеция преобладает описание активных форм осады и обороны, сопровождаемых применением военной техники; об осаде говорится столь же подробно и обстоятельно, как и об обороне. Изложение материала строится по принципу «действие — противодействие»; Вегеций как бы попеременно ставит читателя то в положение осаждающего, то в положение осажденного, давая рекомендации и по тому, и по иному поводу. Аноним всецело поглощен проблемами обороны. В центре его внимания — два основных сюжета: борьба с неприятельскими подкопами и меры противолействия метательным орудиям противника. При этом Аноним оперирует фактами тысячелетней давности: истоки подавляющего большинства его рекомендаций можно обнаружить в трактате Энея, созданном в середине IV в. до н. э. 84

Аноним указывает, что неприятели обычно скрывают начало подкопа специальными прикрытиями и именно по ним можно определить то место, откуда начат подкоп 85. Свидетельство Энея даже более конкретно. Он не только знает об этих прикрытиях, но и рекомендует самый рациональный способ их изготовления. Для этого должны использоваться телеги с оглоблями, поставленными под углом к поверхности земли: оглобли и должны служить каркасом прикрытия 86. Если направление подкопа точно определить невозможно, то Аноним советует прокопать ров с наружной стороны стены параллельно ее протяженности; когда неприятельский подкоп откроется, в этот ров следует направить против подкопщиков либо поток воды, либо струю дыма — тем самым усилия неприятеля будут сведены на нет 87. Этот прием был также знаком Энею: он прибавляет, что, кроме воды и дыма, в подкоп можно пустить ос и пчел 88. Ему был известен и

Bid., XII, 6, р. 76.
 Bezequü, IV, 24, с. 286; Anonymus, XIII, 2—5, р. 76—78.
 Aeneas Tacticus, Ascleopiodotus, Onasander. London; New York, 1923 (далее — Aeneas). Имеется русский перевод: Эней Тактик. О перенесении осады. — ВДИ, 1965, neas). имеется русскии перевод: Эней Тактик. О перепесении осады. — ВДИ, 1965, № 1/2. См. также: Беляев В. Ф. Эней Тактик — первый военный теоретик античности. — Там же; Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975, с. 178 слл.

**S Anonymus, XIII, 6—7, р. 78.

**Anonymus, XIII, 9, р. 186—188.

**Anonymus, XIII, 8, р. 78—80.

**Anonymus, XXXVII, 1—4, р. 184—186.

такой активный прием борьбы, как применение встречных подкопов 89, о чем Аноним не упоминает 90. Для обнаружения направления подкопа Эней рекомендует воспользоваться приемом, который уже ему был известен как старый: следует прикладывать к земле медный щит, и там, где под землей будет подкоп, щит будет издавать особый звук 91. Способ же, рекомендуемый Анонимом, более примитивен и проводится без применения «технических средств»: нужно лечь на землю и, приложив ухо к земле, стараться услышать шум земляных работ 92. Представляется, что такой прием менее рационален, чем те, которые рекомендуются его предшественниками.

Вторую половину XIII главы Аноним посвящает борьбе с осалными механизмами противника. Борьба с «черепахами», указывает он, описана древними полиоркетиками; далее сообщаются сведения, не оставляющие сомнения, что и в данном случае основным источником Анонима служили рекомендации Энея 93. Покончив с этим, Аноним делает следующее замечание: «Мы имеем добавить к этому нечто новое, что может быть еще более действенным против них (т. е. против «черепах». — В. К.). Об этом мы хотим здесь рассказать» 94. Что же рекомендует далее Аноним? Когда «черепахи» приблизились, на участках стены против них следует развесить полотнища, изготовленные из льна, шерсти или волос; будучи закрепленными сверху, на зубцах стены, специальными колышками, они свободно ниспадают на стену 95. Назначение таких полотнищ двояко: во-первых, они скрывают от наблюдения и защищают от обстрела солдат, расположенных на стене; во-вторых, они гасят энергию метательных снарядов противника. Если указанные полотнища невозможно изготовить из-за недостатка времени или средств, тогда вместо них следует использовать спальные принадлежности (циновки, покрывала, одеяла), взятые у местных жителей 96. К этим рекомендациям примыкает еще одна: кроме постоянно висящих полотнищ следует изготовить и передвижные сети из веревок толщиной с палец. Вынесенная перед стеной на расстояние двух локтей, такая сеть надвигается на тот или иной участок, по которому неприятелем ведется прицельная стрельба из петробол. Встречая бросок камня, сеть защищает стену от разрушения ⁹⁷. Заканчивая данный раздел, Аноним рекомендует применять эти приспособления как против «черепах», так и против тара-HOB 98.

Сопоставив рекомендации Анонима со свидетельствами современных сирийских хроник, Н. В. Пигулевская пришла к убедительному заключению, что в данном случае мы имеем дело с материалом, обобщившим накопленный боевой опыт 99.

Практический смысл рекомендаций Анонима бесспорен. Вызывает недоумение другое обстоятельство: Аноним описывает эти приемы как

89 Aeneas, XXXVII, 5, p. 186.

ние вражеского подкопа.

92 Anonymus, XIII, 9, p. 180.

93 Anonymus, XIII, 15—16, p. 82; 25, p. 84; Aeneas, XXXII, 5—6, p. 176; XXXIII, 1—2,

Следует добавить к этому, что способы борьбы с неприятельскими подкопами разрабатывались и Витрувием, римским архитектором и инженером второй половины 1 в. до н. э.; см.: Марк Витрувией Поллион. Об архитектуре. Десять книг. Л., 1936, X, XVI, 10—11, с. 327—328. Влияние Витрувия на трактат Анонима не ощущается.

91 Aeneas, XXXVII, 6—7, р. 186. Витрувием (X, XVI, 10, с. 327) описан следующий прием: в направлении вражеского подкопа вырываются встречные подкопы, в которых развешиваются медные сосуды; по их звону устанавливается точное направле-

⁹⁴ Anonymus, XIII, 17, p. 82.
95 Ibid., XIII, 18—19, p. 82.
96 Ibid., XIII, 21, p. 84.
97 Ibid., XIII, 26, p. 86.
98 Ibid., XIII, 27, p. 86.
99 См.: Пигулевская Н. В. Осада городов в Месопотамии в VI в. — УЗ ЛГУ, 1941, вып. 12, с. 49, 77.

новые, современные, не известные древним полиоркетикам. Между тем анализ источников приводит к выводу, что они были известны не только Вегецию (за 200 лет до Анонима), но и Энею (за 900 с лишним лет до него). У Вегеция читаем: по верхнему периметру стен развешиваются прикрытия. защищающие расположенных здесь солдат. Рекоменлуемый материал козьи шкуры и циновки. Известен ему и принцип «гашения» тканью летящего снаряда: нелегко пробить то, «что качается и уступает удару» 100. У Энея сведения на этот счет еще более подробны. Против таранов и других механизмов, пробивающих стены, на угрожаемых участках развешиваются мешки, наполненные мякиной, тюки с шерстью, бычьи шкуры, надутые или чем-либо наполненные 101. Против метательных орудий по стенам навешиваются полотнища типа парусов — они не только защищают стену, но и задерживают каменные ядра, которые можно собрать и использовать против врагов ¹⁰². Наконец, кошмы и шкуры, развешанные перед зубцами стены, служат также прикрытием от зажигательных снарядов 103.

С учетом изложенного вернемся вновь к вопросу о том, что же принципиально нового внесено в военную науку Анонимом. Приходится констатировать отсутствие всякой новизны. В самом деле, не считать же вкладом в теорию полиоркетики рекомендацию Анонима об изъятии у жителей спальных принадлежностей, хотя об этом не пишут ни Вегеций, ни Эней. Все же остальные идеи, так смело представленные Анонимом как новые, известны его предшественникам, а в некоторых деталях разработаны ими даже более подробно.

Ситуация требует разъяснений. Одно из них дать несложно. Сочинение Вегеция, очевидно, не было известно Анониму — сравнение этих двух трактатов как в данном случае, так и в более общем плане приводит к выводу об отсутствии между ними непосредственной связи. Труднее объяснить положение с Энеем — как мы видели ранее, истоки многих рекомендаций Анонима обнаруживаются именно в его сочинении.

Объяснение, по нашему мнению, может быть следующим. Устанавливая параллели между Анонимом и Энеем, мы одновременно отмечали, что совпадение свидетельств трактатов является неполным как по объему анализируемого материала, так и по детализации такого анализа. Многие вопросы, разработанные Энеем, оставлены Анонимом без внимания; в целом охват проблем полиоркетики у Анонима гораздо уже, чем у его предшественника. В одном месте он объявил новыми те из своих рекомендаций, которые были известны Энею, но в этой же главе есть и пример противоположного свойства: один из сюжетов, действительно не разработанных столь четко в предшествующих полиоркетических сочинениях, изложен Анонимом как бы между прочим. Мы имеем в виду отрывок, где говорится о способе срочного ремонта участка оборонительной стены, разрушенного неприятелем. Если в стене образовался пролом, пишет Аноним, нужно изнутри крепостной ограды срочно воздвигнуть сооружение, которое начинается по одну сторону от пролома, а кончается по другую. Оно должно иметь вид треугольника, вершина которого обращена внутрь города, а основанием является участок стены с проломом. Враг, бросившись в пролом, упрется в стену; одновременно он будет подвергнут обстрелу сразу с двух сторон и даже с тыла 104.

Оговоримся, что данная рекомендация питается двумя идеями, издавна известными в теории полиоркетики: первая из них заключается в том, что на любом участке обороны неприятель должен иметь перед собой неподвижную преграду, защищаемую людьми: вторая — это идея фланкирования, на которой строилась вся теория фортификации: линия крепост-

¹⁰⁰ Вегеций, IV, 6, с. 281.
101 Aeneas, XXXII, 3, р. 176.
102 lbid., XXXII, 9—10, р. 178.
103 Ibid., XXXIII, 8, р. 180.
104 Anonymus, XIII, 13—14, р. 80—82.

ной ограды должна быть изломанной, чтобы любой участок фронта поражался по крайней мере с двух направлений. Описанный Анонимом способ имел, несомненно, широкое практическое применение и в более раннюю, и в более позднюю эпохи; Аноним отнюдь не был его изобретателем, но детальное описание этого способа, сопровождаемое теоретическим обоснованием, мы впервые встречаем именно в анализируемом трактате.

Все сказанное выше приводит нас к заключению, что XIII глава трактата не имела своим непосредственным письменным источником ни одно из известных ныне теоретических руководств по полиоркетике. Разумеется, не исключается возможность использования Анонимом сочинения, ныне утраченного. Однако более вероятным, на наш взгляд, является предположение, что материалом для написания XIII главы явилась современная Апониму боевая практика, которая, в свою очередь, основывалась на исследованиях военных теоретиков античности (в том числе и в первую очередь — Энея). Время Анонима — это время преимущественно оборонительных войн империи; отсюда — известная односторонность в подборе сюжетов, заслуживших внимание автора. Естественная ограниченность собственного опыта объясняет как недостаточную масштабность в подходе к проблемам полиоркетики, так и ошибки в расстановке акцентов между старым и новым, между чужим и собственно авторским.

Заслуживают подробного анализа и разделы, посвященные тактике, которая понимается как «наука, по которой масса людей вооружается, делится на подразделения и целесообразным способом приводится в движение» 105.

При описании вооружения главное внимание автора сосредоточено на характеристике его защитных элементов. Пехотинец вооружен щитом, диаметр которого должен быть не меньше 7 пядей (около 1,6 м) 106. В середине шита помещался круглый умбон с острым и длинным наконечником. которым можно причинять вред противнику в рукопашном бою 107. Далее упомянуты шлем, панцирь, наголенники 108. Все это защитное вооружение должно надеваться не на обычное платье, а на специальный гиматий, изготовленный из стеганой ткани толщиной не менее пальца 109.

Будучи облачен в такие доспехи, пехотинец, как можно предполагать, был сковаи в движениях и неспособен к ведению боя в одиночку. Если принять во внимание преимущественно жаркие климатические условия большей части империи и пограничных регионов, то целесообразность подобных рекомендаций возбуждает серьезные сомнения 110. Однако стремление во что бы то ни стало «закрыть войско броней, чтобы никакой вид вражеского оружия не мог его поразить» 111, превалирует в сознании автора над всеми другими соображениями. Мы снова встречаем вариант илеи глухой обороны, доведенный до крайнего выражения.

Лишенный подвижности пехотинец мог действовать только в составе фаланги. Ее первые четыре шеренги были составлены из воинов, вооруженных копьями. Поскольку расстояние между шеренгами составляет около одного локтя, копья каждой из шеренг, следующих за первой, становятся все более длинными; эти копья лежат на плечах стоящих впереди воинов. Удар неприятеля с фронта отражается копьями четырех первых шеренг ¹¹². По аналогии с ними вооружены воины четырех последних шеренг, а также солдаты, стоящие в четырех крайних правых и четырех крайних левых рядах фаланги. Пехотинцы, расположенные внутри этого

¹⁰⁶ Anonymus, XIV, 1, p. 88.
106 Ibid., XVI, 1, p. 100.
107 Ibid., XVI, 2, p. 100.
108 Ibid., XVI, 3, p. 100.
109 Ibid, XVI, 4, p. 100—102.
110 Jähns M. Op. cit., S. 148.
111 Anonymus, XVI, 1, p. 100.

¹¹¹ Anonymus, XVI, 1, p. 100. ¹¹² Ibid., XVI, 6-7, p. 102.

копьеносного четырехугольника, вооружены метательным оружием главным образом дротиками 113.

Как видим, пехотная фаланга, обрисованная Анонимом, была способна лишь к оборонительному бою, причем только к дальнему. Если противнику удавалось расчленить фалангу, неповоротливые, обремененные тяжелыми доспехами пехотинцы оказывались абсолютно беззащитными, и весьма слабой компенсацией представляется рекомендация Анонима использовать в ближнем бою острые наконечники шлемов ¹¹⁴.

Фаланга Анонима — свидетельство упадка пехоты как рода войск в позднеримскую и ранневизантийскую эпохи. «Соприкосновение с иррегулярной конницей Востока, — пишет Ф. Энгельс, — все более и более понижало значение пехоты и влияло на ухудшение ее качества. Конные лучники сделались излюбленным родом войск. . . Обычным сделался бой на расстоянии, а рукопашная схватка рассматривалась как нечто устаревшее» ¹¹⁵.

Нарративные источники, относящиеся к VI в. 116, рисуют картины сражений, которые иногда продолжались по нескольку часов, но не сопровождались рукопашной схваткой. Дело ограничивалось тем, что две армии, обратившись фронтом друг к другу, но разделенные значительным расстоянием, вели стрельбу из луков преимущественно по навесной трасктории, поскольку лучники размещались либо на флангах, либо позади тяжеловооруженной пехоты. В этих условиях судьбу сражения могли решить удары даже немногочисленных кавалерийских частей, если им удавалось войти в непосредственное соприкосновение с пехотными подразделениями. Поэтому усилия авторов военно-теоретических руководств были направлены на то, чтобы не допустить ближнего удара противника по боевым порядкам, удержать его на расстоянии как можно более продолжительное время и тем самым создать условия для извлечения максимальной выгоды из своего оружия дальнего действия. Именно эта мысль пронизывает весь тактический раздел трактата Анонима. И не случайна его приверженность к триболам, о чем уже говорилось выше. Задержать атаку вражеской конницы, хоть на время лишить ее подвижности, обеспечить возможность прицельной стрельбы по ней — вот цели, достигаемые применением триболов. Разумеется, эти цели могли быть достигнуты с помощью более эффективных средств — ям, канав, засек и т. д. Но сооружение таких искусственных препятствий требует больших затрат времени и средств, а в условиях меняющейся военной обстановки это не всегда возможно. Применение триболов не связано с этими затруднениями: они легки, транспортабельны, менее заметны; к тому же это средство многократного использования. Короче говоря, триболы обладают всеми достоинствами деревоземляных препятствий и одновременно свободны от недостатков, свойственных последним. Не случайно создание запаса триболов включается Анонимом в общий план мероприятий по подготовке страны к отражению вражеского нашествия 117. Не случайно и то, что собственная кавалерия должна быть защищена от губительного действия триболов: копыта лошадей рекомендуется подбивать специальными железными пластинами ¹¹⁸.

Свидетельства Анонима о вооружении пехотных и кавалерийских подразделений представляются достаточно современными и вполне соответствующими духу эпохи. Вероятно, здесь мы снова имеем дело со случаем,

¹¹³ Anonymus, XVI, 8, p. 102—104. 114 Ibid., XVI, 5, p. 102. Данный сюжет в свое время развеселил М. Иенса, живо представившего воинов, поставленных перед необходимостью «бодаться как козлы» (Jähns M. Op. cit., S. 148).

115 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 14, с. 361.

¹¹⁶ Например, Прокопий (Война с персами, I, 14, 18) и др. 117 Anonymus, VI, 3, р. 58. 118 Ibid., XVII, 4, р. 106.

когда информация Анонима основывается в большей степени на материадах современной боевой практики, чем на теоретических изысканиях «древних». Лишь с этих позиций можно объяснить одностороннее увлечение автора защитными элементами вооружения и полное игнорирование элементов наступательных. Он, в частности, даже не упоминает в XVI главе ни мечей, ни луков, которые, несомненно, состояли на вооружении воинов (это следует и из дальнейших описаний). Совершенно отсутствует материал об обучении воинов владению тем или иным оружием. Если бы автор имел под руками какое-либо письменное руководство по вооружению, такие пробелы вряд ли были бы возможны. Вспомним для сравнения, сколь детальны характеристики всех видов вооружения у Вегеция, как подробны его рекомендации по обучению воинов. Такой подход Анониму не свойствен. Его трактат не обладает признаками универсальности и энциклопедичности, он заметно односторонен — как в целом, по охвату проблем военной науки, так и при анализе конкретных сюжетов. Вероятно, это следует расценивать как недостаток; но это недостаток, являющийся продолжением достоинств трактата: его самостоятельности, самобытности, тесной связи с современностью, практического характера содержащейся в нем информации.

Однако есть в трактате и разделы, где Аноним, отступая от своих основополагающих принципов, оказывается в плену книжной традиции. Типичным примером служат глава XV, посвященная характеристике различных элементов пехотной фаланги, и главы XXI—XXV, где речь идет о способах ее перестроения. Информация, сообщаемая в этих главах, имеет абстрактный, умозрительный, вневременной характер; автор словно упражняется в чистом теоретизировании. В полном противоречии с исходными установками Аноним излагает не практические, а исключительно теоретические аспекты перестроений, причем не в плане современных требований, а в плане историко-информационном. Анализируются вопросы, которые являлись историей уже во времена Асклепиодота, Элиана, Арриана и были связаны с македонской фалангой времен Филиппа и Александра. Заметно меняются и стиль и лексика автора: повествование ведется в прошедшем времени, оно переполнено специальной терминологией, многочисленными дефинициями. По своей сухости и безжизненности способ изложения материала напоминает манеру Асклепиодота.

Мы уже говорили ранее о недоумении М. Иенса по поводу слишком резкого, немотивированного перехода Анонима от проблем полиоркетики к проблемам тактики. Представляется возможным конкретизировать тезис немецкого исследователя: несовершенная стыковка двух данных разделов трактата объясняется тем, что они существенно различаются характером изложенного в них материала. Полиоркетический раздел характеризуется в целом достаточно современным звучанием и носит отпечаток заметной авторской самостоятельности; главы о членении пехотной фаланги и ее перестроениях, воспроизводящие свидетельства какого-то архаичного письменного источника, оказываются включенными в текст трактата настолько неорганично, что возбуждают сомнение в их изначальной принадлежности данному сочинению.

Теоретическим, умозрительным характером отличаются и разделы, содержащие описание различных видов боевых построений. Основой боевого строя является пехотная фаланга. Она может выступать в различных модификациях: колонна, линия, «косой строй», каре, клин и т. д. 119 Характер изложения материала напоминает манеру Вегеция, только Аноним более многословен; ощущается и сходство некоторых идей. О прямом заимствовании вряд ли может идти речь — скорее можно предполагать влияние более ранней военно-научной традиции, предшествовавшей и Анониму, и Вегецию.

¹¹⁹ Anonymus, XXXI, 1-13, p. 154-160.

В историографии уже высказывались отрицательные мнения по поводу тактических воззрений Вегеция: они признавались устаревшими для периода IV в. Пехотно-фаланговые схемы Анонима не являлись (да и не могли быть) более живыми: исходные установки здесь те же самые, что и у Вегеция, а время Анонима — на два века позднее. Кризис позднеримской пехоты, о котором уже говорил во весь голос Вегеций, в эпоху Анонима продолжался и углублялся.

Какие существовали теоретически возможные выходы из этого кризиса? Во-первых, имело бы смысл обратиться к поискам еще неиспользованных возможностей фалангового построения, попытаться отыскать в самой фаланге ресурсы ее собственного усиления. Во-вторых, предстояло совершенствовать взаимодействие тяжеловооруженной фаланги с другими видами нехоты и родами войск. В-третьих, широкие перспективы открывались на пути развития идеи тактических резервов, как присутствующих на поле боя (вторая, третья линия боевого строя), так и скрытых (засады). В-четвертых, плодотворными могли стать разработки новых форм боевых действий (отступление, контрнаступление, ночной бой и т. д.). Наконец, практически неисчерпаемыми были поиски новых способов ослабления и разложения противника (военные хитрости, диверсии, шпионаж и др.).

Очевидно, военно-теоретическая мысль позднеримской и ранневизантийской эпох действовала сразу во всех указанных направлениях — сама жизнь, характер внешнеполитической ситуации (чаще неблагоприятной, особенно во второй половине VI в.) требовали таких поисков. Трактат Анонима отразил их достаточно отчетливо.

В главе XXVII содержится подробное описание одного из видов боевого построения 120, которое представляет собой попытку скомбинировать принципы фалангового строя с маницулярной тактикой римских легионов. Рекомендуется разделить фалангу на две части и построить их фронтом в одном направлении. Промежуток, равный по длине фронту каждой из частей, следует заполнить двумя или тремя шеренгами пехоты, чтобы издали врагу казалось, что все войско образует единую монолитную фалангу. Это впечатление усилится, если будет выбрана подходящая местность, где передние ряды стояли бы выше задних. Когда противник приблизится. промежуточные шеренги должны податься назад, пока не окажутся на уровне задних шеренг фаланги. Этим маневром прежде всего удастся достигнуть перевеса сил на флангах, тогда как центр вражеского строя окажется выключенным из сражения. Если же вражеские подразделения, противостоящие отступившему центру, устремятся вперед, они окажутся под ударом сразу с нескольких сторон; к тому же произойдет неизбежная деформация вражеского строя, нарушится взаимодействие его частей. Разумеется, заключает Аноним, осуществление такого сложного тактического маневра требует предварительного обучения. В ходе его следует преодолеть своеобразный психологический барьер: отступление одной из частей фаланги не должно неблагоприятно отразиться на моральном состоянии остальной массы войска. Важно и точно согласовать этот маневр по времени: отступление промежуточных шеренг должно произойти не раньше соприкосновения с противником (чтобы враг, разглядев неравномерное распределение сил, не успел перегруппироваться), но и не позже его (чтобы не произошел прорыв слабого центра боевого строя).

Маневр, описанный Анонимом, не является абсолютно новым по своей главной идее: фактически это — вариация идеи Эпаминонда о неравномерном распределении сил по фронту. Однако указать прямой источник этой рекомендации Анонима не представляется возможным.

Одновременно следует подчеркнуть, что предложенный прием вряд ли мог найти широкое практическое применение. Византийцам VI в. почти не приходилось сталкиваться с неприятелем, применявшим классическую

¹²⁰ Anonymus, XXVII, 3-11, p. 172-176.

фаланговую тактику, а против конного войска использование такого приема было бы чрезвычайно рискованным делом. Поэтому рассмотренный сюжет следует отнести к сфере теоретических, «кабинетных» изысканий нашего автора.

Строй пехотной фаланги, по описанию Анонима, должен быть усилен легковооруженными воинами (псилами), которые поддерживают сражение фаланги 121. Псилы размещаются либо на флангах фаланги (если она глубока) 122, либо позади ее (если она неглубока и псилы могут стрелять из луков и пращей через головы своих тяжеловооруженных пехотинцев) 123. Когда предстоит сражение с конным неприятелем, псилы рассыпаются цепью перед строем фаланги; нанеся первый удар, они могут скрыться за фалангой 124.

Кавалерию можно размещать и на флангах пехотного строя, и в его середине; первый вариант, по мнению Анонима, предпочтительнее 125. Главная цель конных частей — преследование разбитого противника ¹²⁶. Основная же тяжесть сражения, по Анониму, ложится на пехотные подразделения 127. Представляется, что в данном случае Аноним вновь оказывается в плену старых военно-теоретических воззрений, не соответствующих духу эпохи.

Затрагивая вопрос о числе линий боевого строя, Аноним ставит его решение в зависимость от тактических схем, избираемых неприятелем ¹²⁸. Наличие второй линии он не считает обязательным: она создается лишь тогда, когда ромейское войско, по крайней мере, вдвое сильнее неприятельского ¹²⁹. Создается впечатление, что Аноним даже опасается выстраивать вторую линию, ибо из-за этого может произойти окружение неприятеля, что нежелательно, поскольку окруженный противник, оказавшись в безвыходном положении, может «превзойти в храбрости самого себя». Следовательно, главная цель сражения, по Анониму, заключается не в полном разгроме противника, а лишь в отбрасывании его; эта цель должна определять и выбор тактических схем. Мысль о том, что противнику следует представлять возможность для бегства, не является у Анонима случайной: он возвращается к ней еще раз ¹³⁰, причем формулирует ее в сходных выражениях. Заметим, кстати, что эта идея еще со времен Ксенофонта (Киропедия, IV, 1, 16) являлась важнейшим составным элементом военной теории и до Анонима, и после него 131.

Взгляды Анонима на проблему второй линии следует также признать устаревшими. Как известно, последующие военно-теоретические произведения, начиная со «Стратегикона Маврикия», интенсивно разрабатывают идею многолинейности боевого построения, с полным основанием усматривая здесь существенный резерв усиления боевой мощи войска.

Более современен Аноним при разработке проблем скрытых тактических резервов. Засадные подразделения следует комплектовать из мужественных, опытных в военном деле кавалеристов; их следует выстроить на 2—3 мили 132 позади боевого строя и скрыть, используя для этого особенности местности 133. Цель засад — нанесение внезапного удара, когда

¹²¹ Anonymus, XXXII, 16—17, p. 158.
122 Ibid., XXXV, 6, p. 168.
123 Ibid., XXXV, 7, p. 170.
124 Ibid., XXXV, 8, p. 170.
125 Ibid., XXXV, 1—3, p. 166—168.
126 Ibid., XXXV, 4, p. 168.
127 Ibid., XXXVI, 1—3, p. 170—172.
128 Ibid., XXXIV, 1—3, p. 164—166.
129 Ibid., XXXIV, 4, p. 166.
130 Ibid., XXXIV, 4, p. 166.
131 Ibid., XXXIX, 12, p. 182.
131 См., например: Mauricius. Arta militară/Ed. H. Mihăescu. Bucuresti, 1970 (далее — Strategicon), IX, 2, 11, p. 228; De velitatione bellica. — In: Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae, 1828, 14, pars XI, p. 253—256. storiae Byzantinae. Bonnae, 1828, 14, pars XI, p. 253-256.

¹³² Римская миля — 2 тыс. шагов.

¹³³ Anonymus, XXXVIII, 1, p. 176.

враг, расстроив свои ряды, бросается преследовать отступающего противника 134. Чтобы отступление было более правдоподобным, рекомендуется бросать на поле боя что-либо из вооружения и снаряжения. Это внесет еще большую сумятицу в ряды преследователей, а иногда служит причиной их ссор из-за добычи 135. В таких условиях внезапный удар из засады может оказаться особенно эффективным.

Представляется достаточно оригинальной и идея своего рода «полускрытого» резерва. Аноним предлагает выделить часть войска и держать ее на значительном удалении (3-4 мили), чтобы враг ее видел, но не имел возможности на нее напасть. Такая демонстрация будет сковывать инициативу врага, его наступательную активность 136.

Разработка проблем засадной тактики, на которую обращено внимание Анонима, стала объектом пристального внимания военных авторов более позднего времени.

Среди видов сражения в описании Анонима преобладает оборонительный бой. Автор мыслит византийское войско в положении исключительно обороняющейся стороны. Боевая инициатива полностью отдана противнику — как в общестратегическом плане, так и в тактическом. Помыслы Анонима направлены лишь на то, чтобы всеми силами ослабить эффект вражеского удара, а в том, что этот удар последует, причем он будет первым, Аноним не сомневается.

Если Вегеций, впервые разрабатывавший теорию тактического отступления ¹³⁷, еще характеризовал данный вид боевых действий как менее престижный по сравнению с наступлением и потому, щадя самолюбие воинов, требовал от военачальников мотивировки своих действий, то Аноним рассматривал отступление как явление ординарное — очевидно, военные неудачи приучили его именно к такому взгляду на вещи. Если обстановка позволяет, такие отступления должны иметь временный характер: отступив днем, следует вернуться на прежние позиции ночью 138. При этом отступать нужно в места защищенные, лучше всего — господствующие над местностью, чтобы максимально использовать возможности лучников и пращников; иногда случается и отбивать атаки врага, метая камни вручную ¹³⁹. Отступление должно проводиться под прикрытием засад и с применением триболов ¹⁴⁰.

Идеи контрнаступления высказываются Анонимом лишь в самом общем виде — в этом плане его вклад в военную теорию незначителен. Как известно, теория контрнаступления как особого вида боевых действий, в дополнение к наступлению и отступлению, начала приобретать скольконибудь определенные очертания лишь в более поздних трактатах, начиная со «Стратегикона Маврикия».

Аноним уделил внимание и характеристике ночного боя (глава ХХХІХ). Весьма оживляют этот сюжет некоторые организационные детали. Для участия в ночном нападении рекомендуется отбирать лишь добровольцев. Между ними и военачальником заключается клятвенный договор: за успешное осуществление намеченной цели воины должны получить особое вознаграждение; в случае уклонения от выполнения своего долга они будут наказаны смертью ¹⁴¹. Заранее разведываются силы противника, их размещение, подыскиваются надежные проводники; выбирается ночь не лунная, но звездная, ибо ориентировка проводится по звездам 142. Направление движения указывается специальными фонарями,

¹³⁴ Ibid., XXXVIII, 2, p. 176.
135 Ibid., XL, 5-7, p. 184-186.
136 Ibid., XXXVIII, 3-4, p. 178.
137 Bezeuuŭ, III, 22, c. 275-276.
138 Anonymus, XXXVII, 2, p. 172.

¹⁴⁰ lbid., XXXVIII, 5, p. 178. 141 lbid., XXXIX, 2, p. 178. 142 lbid., XXXIX, 4—6, p. 180.

свет от которых падает только назад и врагам не виден ¹⁴³. Для отвлечения внимания врага от направления главного удара рекомендуется создавать шум (крики, барабанный бой и т. д.) на других направлениях ¹⁴⁴.

Подробное описание организации ночного боя свидетельствует о зарождении внимания военных теоретиков к этому специфическому виду боевых действий, способному (в случае успеха) принести эффективные результаты. Следует признать ошибочным мнение о том, что тактика ночного боя была создана византийцами лишь в конце ІХ или начале Х в. Эту дату следует сместить к гораздо более раннему периоду: уже в VII в. усилиями Анонима и Маврикия 145 основы этой тактики были разработаны достаточно полно.

На примере ночного боя Аноним демонстрирует понимание той истины, что сама по себе сила оружия может быть многократно увеличена ее умелым применением. Развивая эту мысль, Аноним дает разнообразные рекомендации, направленные на то, как ослабить противника, извлечь выгоды из его слабых сторон, использовать преимущества собственного войска. Учет этих обстоятельств требуется при решении как общестратегических проблем, так и частных задач, которые возникают в ходе конкретной военной кампании.

Аноним производит впечатление человека, отрезвленного военными неудачами, не питающего никаких иллюзий по поводу исхода военных действий. Война может принести только тяжести и страдания, поэтому она рассматривается как «крайнее зло и воплощение всего дурного» 146. Следует всемерно и до последней возможности уклоняться от вступления в нее и всегда предпочитать мир, даже если он связан с ущербом для империи 147. Если все же избежать войны не удалось, следует организовать систематическое и тщательное изучение численности, вооружения вражеского войска, состояния воинского духа противника 148. Если эти показатели у вражеского войска лучше, чем у войска ромеев, нужно уклоняться от открытого сражения. Когда же оно станет неизбежным, его следует провести в условиях, гарантирующих собственное войско от поражения (благоприятная местность, подходящие погодные и временные условия и т. д.) 149. Следует добиться, чтобы положение врага было хоть в каком-то отношении худшим. Считаются благоприятными случаи, когда неприятельское войско утомлено длительным и трудным маршем, когда оно не успело устроить защищенный лагерь, когда в течение всей ночи оно находилось в состоянии страха и тревоги, а византийское войско хорошо отдохнуло 150. Но особенно предпочтительна ситуация, когда враг, испытывающий острую нехватку продовольствия, распыляет свои силы, тогда открывается возможность его разгрома по частям. В данном случае даже небольшое войско имеет шансы одержать верх над более многочисленным противником ¹⁵¹.

Последняя рекомендация Анонима вполне отвечала характеру его эпохи. Известно, что такая тактика измора лежала в основе воинских успехов Велизария, и как раз его имя пришло на память Анониму при описании данного сюжета 152. Вспомним в этой связи высказывание Ф. Энгельса: «Тактика Велизария целиком базировалась на принципе: избегать рукопашного боя и брать противника измором» 153.

¹⁴³ Anonymus, XXXIX, 8—9, p. 180—182.
144 Ibid., XXXIX, 12, p. 182.
145 Strategicon, IX, 2, p. 226—228.
146 Anonymus, IV, 2, p. 56.
147 Ibid., VI, 5, p. 58—60.
148 Ibid., XXXIII, 1—2, p. 160.
149 Ibid., XXXIII, 6, p. 162.
150 Ibid., XXXIII, 7, p. 162—164.
151 Ibid., XXXIII, 9, p. 164.
152 Ibid., XXXIII, 8, p. 164.

¹⁵² Ibid., XXXIII, 8, p. 164.

¹⁵³ *Маркс К.*, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 14, с. 361

Описанные Анонимом различные приемы по обману, дезориентации, дезинформации противника сравнительно немногочисленны, в этом отношении его трактат уступает более поздним сочинениям. Однако создается впечатление. что Аноним был знаком как с практикой применения таких хитростей, так и с литературой по данному вопросу, прежде всего со сборниками стратегем Фронтина и Полиена. В этом смысле Аноним промежуточное звено между названными «древними» писателями и авторами позднейших сочинений.

В заключительных главах трактата затронуты вопросы, связанные со сбором военной информации. Первостепенное внимание уделено при этом разведчикам.

Разведчики должны комплектоваться из верных, надежных людей. Когда они направляются за границу, в империи должны остаться их родные и близкие: по мнению Анонима, это достаточная гарантия против их предательства 154. Разведчики должны свободно владеть чужим языком, знать нравы и обычаи того народа, среди которого они работают 155. Анонимом высказываются и некоторые советы по конспирации, касающиеся выбора квартиры для поселения 156, места встреч с коллегами по профессии — разумеется, лучшим местом для встреч признается рынок, где в процессе мнимых торговых сделок можно незаметно передать секретную информацию ¹⁵⁷. Сообщения, поступающие от разведчиков, способны сыграть решающую роль при выработке планов военных кампаний 158.

Из дальнейших рассуждений Анонима следует, что определенные разведывательные функции возлагались и на официальных послов, направляемых с дипломатическими миссиями в соседние державы. Одновременно говорится и об иностранных послах: они должны находиться под постоянным наблюдением, чтобы в их руки не попала какая-либо секретная информация ¹⁵⁹. Послам далекой и не очень сильной в военном отношении державы можно показывать все 169. «Если же страна превосходит нашу, силой ли войска, храбростью ли его, то нельзя показывать им ни наши богатства, ни наших прекрасных женщин, а, напротив, [демонстрировать им] массу мужчин, крепость оружия и высоту стен» 161. Носителями военной информации могут быть и перебежчики — им в трактате Анонима также посвящена специальная глава 169.

Материал, касающийся разведчиков, перебежчиков и послов, представлен в трактате Анонима более широко и рассмотрен более основательно, чем это сделано его предшественниками и последователями. Установить прямой источник этой информации не представляется возможным — вероятнее всего, следует предполагать существование какого-то специального сочинения, до нас не дошедшего. В более поздней литературе ряд созвучных высказываний обнаруживается в «Стратегиконе Маврикия» 163, а через его посредство — и в «Тактике Льва».

Анализ основных разделов «Византийского Анонима VI в.» приводит нас к выводу, что мы имеем дело с интересным, сложным по структуре, богатым по содержанию сочинением. Оно сочетает в себе и черты самобытности, оригинальности, и элементы явных заимствований; абстрактнотеоретические выкладки соседствуют в нем с рекомендациями сугубо практического характера. По всем этим признакам изучаемый трактат являет собою типичный образец памятника военно-научной литературы.

¹⁵⁴ Anonymus, XLII, 8, p. 190. 155 Ibid., XLII, 9, p. 190-192.

¹⁵⁶ Ibid., XLII, 11, p. 192.

¹⁵⁷ Ibid., XLII, 7, p. 190. 158 Ibid., XLII, 1-5, p. 188—190. 159 Ibid., XLIII, 2, p. 192. 160 Ibid., XLIII, 3, p. 192.

¹⁶¹ Ibid., XLIII, 4, p. 192.
162 Ibid., XLI, 1-4, p. 186-188.
163 Strategicon, VIII, 1, 32, 34-36, p. 202; VIII, 2, 25, p. 208; IX, 2, 4, p. 226.

Место трактата Анонима в традиции военных писателей — между сочинениями Вегеция и Маврикия. Но Аноним не является прямым наследником Вегеция, как не является он и прямым предшественником Маврикия. Его питают идеи более ранней эпохи; в целом для периода VI в. его концепции не намного современнее принципов Вегеция для IV в. Наоборот, некоторые материалы, включенные Анонимом в трактат, были отброшены еще два века назал Вегепием, поскольку они даже тогда уже представлялись архаичными (мы имеем в виду главы XV, XXI—XXV трактата Анонима).

Почему же в таком случае мы говорим о современности рекомендаций Анонима? Дело в том, что военная организация юстиниановской эпохи, направленная на осуществление реставрационных замыслов правительства, сама являлась продуктом реставрации. Она базировалась на старых, переживших свое время социальных и материально-технических основах и вдохновлялась идеями многовековой давности. Видимо, мы не допустим большой ощибки, если выскажем предположение, что военная организация империи во времена Юстиниана была не менее, а, может быть, даже и более консервативной, чем во времена Вегеция; поэтому концепции Анонима, иногда даже более архаичные, чем у Вегеция, могли вполне адекватно соответствовать современной Анониму ситуации.

Из сказанного следуют два существенных вывода. Во-первых, информация трактата Анонима оказывается весьма ценным источником для изучения как юстиниановской эпохи в целом, так и ее военной организации в особенности. Анонима отличает отсутствие претенциозности, авторской амбиции, стремления изрекать вечные истины — эти черты были свойственны как Вегецию, так и (в меньшей степени) Маврикию; существенным было то, что и тот и другой создавали официальные военные руководства с энциклопедическим охватом проблем военной науки, адресуясь при этом непосредственно к императору. В отличие от них Аноним ставит перед собой более скромные задачи; он более свободен в выборе сюжетов своего повествования; ему не нужно демонстрировать всестороннюю ученость и универсальную осведомленность. В результате мы имеем достаточно полное, добротное произведение, написанное современником Юстиниана, византийцем среднего уровня — и в социальном, и в интеллектуальном, и в профессиональном плане.

Во-вторых, все отмеченные особенности как самого трактата, так и той эпохи, которая в нем отражена, объясняют причины относительно слабого воздействия Анонима на последующую военно-научную литературу. Окончательный крах юстиниановской военной организации лишил концепции Анонима перспектив их дальнейшего развития; военно-теоретическая мысль со времен «Стратегикона Маврикия» вдохновлялась принципами совершенно иного свойства. В теоретических изысканиях позднейших военных авторов иногла встречаются идеи, которые звучат в трактате Анонима. Но ни в одном из этих случаев Аноним не является основоположником таких идей — все они восприняты им из предшествующей

Так, во введении к «Стратегикону» развивается мысль об упадке военного дела в империи 164 — с этого же начинает главу XV своего трактата и Аноним 165. Но еще раньше об этом говорил Вегеций 166, а до него эта мысль присутствовала практически во всех предыдущих трактатах: ссылка на упадок военного искусства была традиционной мотивировкой создания каждого нового военного руководства. Автору «Стратегикона» известен способ преодоления реки, заключающийся в разделении ее на несколько рукавов с целью уменьшения скорости течения и напора

¹⁶⁴ Strategicon, procem., 2, p. 42.
165 Anonymus, XV, 1, p. 90.
166 Bezequŭ, I, 28, c. 243-244; III, 10, c. 267-268.

воды 167. Аналогичную рекомендацию мы встречаем у Анонима 168. Но, как уже было показано ранее, об этом мы можем прочесть и у Вегеция, и у Юлия Цезаря, и у Ксенофонта. В «Стратегиконе» говорится о способе поимки вражеских шпионов, проникших в византийский лагерь. В заранее установленное время следует дать команду всем воинам войти в свои палатки, пригрозив наказанием тем, кто останется снаружи; вражеские лазутчики в этих условиях поневоле выдадут сами себя 169. Этот способ известен и Анониму 170, но также и Вегецию 171, а последний, в свою очередь, основывает его на традиции, ведущей начало со времен Полибия и Гигина. Выше уже говорилось об особой приверженности Анонима к триболам: о них часто упоминается и в сочинениях более поздних военных писателей — «Стратегиконе Маврикия» 172 и «Тактике Льва» 173. Но еще Вегепий, характеризуя триболы, подчеркивал давнюю традицию их применения 174.

Перечень подобных примеров может быть увеличен. Но и сказанное достаточно ясно свидетельствует о том, что некоторые теоретические положения и практические рекомендации могли быть восприняты и развиты в послепующей военно-теоретической литературе как через Анонима, так и без его непосредственного воздействия, а под влиянием более ранней традиции. Но и в том и в другом случае наша общая оценка анализируемого трактата остается без изменений: «Византийский Аноним VI в.» есть органическое составное звено в цепи памятников греко-римско-византийской военной литературы. Именно в этом качестве он должен занять свое место среди памятников юстиниановской эпохи и заслужить адекватное его достоинствам и недостаткам внимание исследователей.

174 Вегеций, III, 24, с. 277.

¹⁶⁷ Strategicon, VIII, 1, 19, p. 200.
168 Anonymus, XIX, 20—21, p. 116—118.
169 Strategicon, IX, 5, 20, p. 246.
170 Anonymus, XXVIII, 7, p. 142.
171 Bezeuuŭ, III, 26, c. 279.
172 Strategicon, IV, 3, 2—4, p. 142; 3, 8, p. 144; XII, 8, 6, p. 316; 8, 18, p. 342; 8, 22, 1, p. 354; 8, 22, 10, p. 358; 8, 22, 27, p. 362; 9, 1, p. 366.
173 Leonis Imperatoris Tactica. — PG, t. 107, V, 5, col. 720; VI, 27, col. 729.